

Варто також окремо зазначити про ситуацію «зізнання у коханні». Ця ситуація передбачає, що сам суб'єкт любові теж «а-топічний», він певний час не може визначитися, що відчуває до іншої особистості, не може охарактеризувати себе, свою позицію стосовно Іншого, стосовно світу загалом. Тому й логічним виступає те, що «Дана комунікативна ситуація виходить за межі повсякденного нейтрального спілкування, і є ситуацією складного емоційного напруження, в якій співрозмовники крім мовних засобів активно використовують невербальний код спілкування» [Кушнір 2003, с. 54].

Таким чином, як любов в науковому дискурсі, так і учасники любовного дискурсу в особистому аспекті є «а-топічними» і неминуче постають одними з проявів не-висловлюваного в структурі людського буття.

Література:

1) Барт Р. Фрагменти мови закоханого / Р. Барт. – Львів: Культурологічний журнал «І», 2006. – 320 с.

2) Кушнір Н. Невербальные контексты коммуникации и их роль в речевых актах (коммуникативная ситуация «объяснение в любви») / Н.И. Кушнір / Вісник КНУ ім. Т.Г. Шевченка; Літературознавство, Мовознавство, Фольклористика; Випуск 14, 2003. – С. 54 – 56.

3) Подольный Р. Г. Античность / Р. Г. Подольный // Мир и эрос: антология философских текстов о любви / под. ред. Р. Г. Подольного. – М. : Политиздат, 1991. – С. 8–56.

Поэзия как язык метафизического вопрошания

Анна Федоренко

ЧНУ ім. Юрія Федьковича (Черновці)

Ты учишь нас, что песнь не есть нужда,
что песнь не служит замыслам подспудно.
Песнь – бытие. И Богу быть не трудно.
Когда ж нам быть?...
Р. М. Рильке, «Сонеты к Орфею»

У философии как таковой нет языка, который соответствовал бы ее подлинному назначению. Это основная предпосылка всяко-

го философствования. Выходящий за пределы событийности язык понятия при этом оказывается парадоксальным образом замкнут сам на себе, что и сближает его с языком поэтическим: единственное, на что ссылаются философские категории и поэтические образы – это на самих себя, и объяснить их при помощи других категорий и образов невозможно.

Связь и взаимозависимость философии и поэзии непрерывно отслеживается с античности, хотя зачастую она оказывается неявной, заложенной если не в содержании той или иной мысли, то в самой ее форме (т.е., собственно, в языке): так, Платон, формулируя свою негативную оценку поэтов и поэзии, однако, остается подлинным поэтом [Платон 1994, с. 79]. В наибольшем сближении области образного и понятийного становятся тогда, когда острее встает проблематика экзистенциального характера и философия перестает мыслиться как фактическая наука, использующая язык лишь для указания на явления предметного мира или для формирования спекулятивных категорий. Близость понятийного и образного языка осознавалась мыслителями задолго до эпохи немецкого романтизма, однако попытки дать этой близости обоснование начали совершаться в XVIII-XIX ст. и стали доминирующей тенденцией в континентальной философии XX ст. Наиболее выдающимся «поэтом философии» можно считать Фридриха Ницше, чьи произведения стали попыткой рывка от оскудевшей постгегелевской философии к проблематике «жизненного мира», как впоследствии это будет названо Э. Гуссерлем [Гуссерль 2000, с. 558].

Феноменология, в свою очередь, является началом методологической работы над «выражением невыразимого»: эйдетическая редукция призвана обнаружить чистое бытие за иллюзорной видимостью его проявлений. Эта установка созвучна с принципом чтения герметической поэзии, символизм которой отсылает к явлениям иного порядка – образы не могут толковаться буквально. Чистым содержанием символической поэзии оказывается Ничто, освобожденное от череды понятий, ссылающихся друг на друга. Эта мысль уже была заложена в сюжете баллады Шиллера о храмовом ученике из Саиса, чье стремление снять покров с облика Исиды стоило ему жизни [Шиллер 2017, с. 52]. Но поскольку за все время существования объективно-идеалистических систем этому пространству небытия по ту сторону символа придавался характер иной действительности, это снятие (диалектическое понятие *Aufheben*) лишало символ его

подлинного значения, а «жизненный мир» – жизненности. И если речь осуществляет движение от некой отправной точки к конечной, если она обусловлена определенными причинами и имеет определенные цели, то поэзия оказывается сообщением, выходящим за пределы конкретных смысловых точек. Она становится посланием без адресата, теряя также связь и с самим автором.

Это является существенной чертой, объясняющей основную проблему поэзии: необходимость избавления от языка для раскрытия подлинного бытия, которого, однако, нигде больше нет и быть не может, кроме как в этой борьбе с языком. Поэзия становится не просто взглядом в ничто, но прокладыванием тропы в пустоте: как мысль в движении, она – ветер, существующий только в своем динамизме. Она же, в свою очередь, созвучна онтологическим изысканиям, целью которых является постижение бытия в абсолютной чистоте его проявлений. Каждый поэт, как и всякий мыслящий человек, в процессе своего деятельного существования вынужден творить новый язык, с помощью которого наделяет новыми именами пустоту абсолютной свободы.

Литература:

- 1) Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Эдмунд Гуссерль. – Мн., М., 2000.
- 2) Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3 / Общая редакция А.Ф. Лосева, Я.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994.
- 3) Шиллер. Стихотворения / Фридрих Шиллер. – М.: Litres, 2017.

Феноменологічна аксіологія і комунікативне обґрунтування норм: як можливе взаємодоповнення?

Тарас Фостяк

Національний університет «Києво-Могилянська академія» (Київ)

Як феноменологічна, так і дискурсивна етика сягають своїм корінням у спадщину кантіанства, критична реценсія якої визначила спільну для них апіористську та антирелятивістську орієнтацію.